



TOMAC

MAHH



Будденброки



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.112.2
ББК 84 (4Гем)
М23

Серия «Зарубежная классика»

Thomas Mann
BUDDENBROOKS

Перевод с немецкого Н. Ман

Перевод стихов А. Глобы

Компьютерный дизайн Ж. Якушевой

Печатается с разрешения издательства
S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main.

Манн, Томас.

М23 Будденброки : [роман; пер. с нем.] / Томас Манн. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 698, [6] с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-100063-9

Жемчужина творческого наследия Томаса Манна.

Едва ли не лучший роман в жанре «семейной саги» немецкоязычной прозы.

История взлета и падения богатой и могущественной семьи Будденброк, на первый взгляд словно воплощающей в себе идеал германских добродетелей.

История трех поколений представителей этого клана — от властного и безжалостного патриарха до его внуков, уже подверженных всем порокам и слабостям интеллектуалов.

История любви и предательства, вражды и интриг, борьбы и зависти, иступленной страсти — и жгучей ненависти...

УДК 821.112.2
ББК 84 (4Гем)

© S. Fischer Verlag, Berlin, 1901
© Перевод. Н. Ман, наследники, 2012
© Перевод стихов. А. Глоба, наследники, 2012
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

— «Что сие означает?.. Что сие означает?..»

— Вот именно, черт возьми, *c'est la question, ma très chère demoiselle!**

Консульша Будденброк, расположившаяся рядом со све- кровью на длинной белой софе с сиденьем, обтянутым желтой шелковой тканью, и спинкой, увенчанной золоченой головою льва, бросила быстрый взгляд на супруга, сидевшего тут же в креслах, и поспешила на помощь дочке, которая примостилась на коленях у деда, поближе к окну.

— Тони, — подсказала она, — «Верую, что Господь Бог...»

Маленькая Антония, хрупкая восьмилетняя девочка в платьице из легчайшего переливчатого шелка, чуть отвернув белокурую головку от лица деда и напряженно вглядываясь в пустоту серо-голубыми глазами, повторила еще раз: «Что сие означает?» — затем медленно произнесла: «Верую, что Господь Бог...» — вдруг с прояснившимся лицом быстро добавила: «...создал меня вместе с прочими тварями», — и, войдя в привычную колею, вся так и светясь радостью, единым духом выпалила весь член катехизиса, точно по тексту издания 1835 года, только что выпущенного в свет с соизволения высокомудрого сената.

«Когда уж разойдешься, — думала она, — то кажется, будто несешься с братьями на салазках с Иерусалимской горы. Все мысли вылетают из головы, и хочешь не хочешь, а нельзя остановиться».

— «К тому же: платье и обувь, — читала она, — пищу и питье, дом и двор, жену и детей, землю и скот...»

* В том-то и вопрос, дорогая моя барышня! (*фр.*)

Но при этих словах старый Иоганн Будденброк неожиданно разразился смехом, вернее — хихикнул, громко и саркастически; этот смешок он уже давно держал наготове. Старика радовало, что вот опять удалось потешиться над катехизисом, — цель, ради которой, вероятно, и был учинен весь этот домашний экзамен. Он тут же осведомился о количестве земли и скота у Тони, спросил, почему она продает мешок пшеницы, и предложил незамедлительно вступить с ней в торговую сделку. Его круглое розовое лицо, которому он при всем желании не умел придать выражения суровости, обрамлялось белыми как снег, напудренными волосами, а на широкий воротник мышино-серого сюртука спускалось некое подобие косички. В семьдесят лет он все еще хранил верность моде своей юности, и хотя отказался от галунов между пуговицами и большими карманами, но длинных брюк в жизни не нашивал. Его широкий двойной подбородок уютно покоился на кружевном жабо.

Все стали вторить его смеху, — надо думать, из почтения к главе семьи. Мадам Антуанетта Будденброк, в девичестве Дюшан, захихикала совершенно как ее супруг. Эта дородная дама с тугими белыми буклями, спускавшимися на уши, в простом черном платье со светло-серыми полосами — что свидетельствовало о ее врожденной скромности, — держала в белоснежных, все еще прекрасных руках маленький бархатный мешочек «помпадур». Черты ее лица с течением времени стали до странности схожи с чертами мужа. Только разрез и живость темных глаз выдавали ее полуроманское происхождение: уроженка Гамбурга, она со стороны деда происходила из франко-швейцарской семьи.

Ее невестка, Элизабет Будденброк, урожденная Креггер, смеялась тем креггеровским хохотком, который начинался неопределенным шипящим звуком; смеясь, она прижимала к груди подбородок. Как все Креггеры, консульша отличалась величавой осанкой, и хоть и не была красавицей, но ее чистый, ровный голос, ее спокойные, уверенные и мягкие движения радовали всех и каждого своей чинной неторопливостью. Рыжеватые волосы, на макушке уложенные в маленькую корону и крупными локонами спускающиеся на уши, превосходно гармони-

ровали с нежной белизной ее кожи, на которой здесь и там проступали крохотные веснушки. Наиболее характерным в ее лице с несколько длинным носом и маленьким ртом было полное отсутствие углубления между нижней губой и подбородком. Коротенький лиф с пышными буфами на рукавах, пришитый к узкой юбке из легкого, в светлых цветочках, шелка, оставлял открытой прекрасную шею, оттененную атласной ленточкой со сверкающим бриллиантовым аграфом посередине.

Консул нервно заерзал в креслах. Он был одет в светло-коричневый сюртук с широкими отворотами, с рукавами, пышными наверху и плотно облегающими руку от локтя до кисти, и в узкие белые панталоны с черными лампасами. Плотный и широкий шелковый галстук, обвивая высокие стоячие воротнички, в которые упирался его подбородок, заполнял собою весь вырез пестрого жилета. Глаза консула, голубые и довольно глубоко посаженные, внимательным выражением напоминали глаза его отца, но казались более задумчивыми; серьезнее, определеннее были и черты его лица — нос с горбинкой сильно выдавался вперед, а щеки, до половины заросшие курчавыми белокурыми баками, были значительно менее округлы, чем щеки старика.

Мадам Будденброк слегка дотронулась до руки невестки и, уставившись ей в колени, тихонько засмеялась.

— Он неизменен, *mon vieux!** Не правда ли, Бетси? — Она выговаривала: «неизмэнен».

Консультша только слабо погрозила своей холеной рукой, на которой тихонько звякнули браслеты, и затем этой же рукой — излюбленный ее жест! — быстро провела по щеке от уголка рта ко лбу, словно откидывая непокорную прядь волос.

Но консул, подавляя улыбку, произнес с легким укором:

— Папа, вы опять потешаетесь над религией...

Будденброки сидели в «ландшафтной», во втором этаже просторного старинного дома на Менгштрассе, приобретенного главой фирмы «Иоганн Будденброк», куда совсем недавно переехало его семейство. На добротных упругих шпалерах, отделенных от стен небольшим полым пространством, были вы-

* Мой старик! (*фр.*)

тканы разнovidные ландшафты таких же блеклых тонов, как и чуть стершийся ковер на полу, — идилии во вкусе XVIII столетия, с веселыми виноградарями, рачительными хлебопашцами, пастушками в кокетливых бантах, сидящими на берегу прозрачного ручья с чистенькими овечками на коленях или целующимися с томными пастушками... Все это, за редким исключением, было изображено на фоне желтоватого заката, весьма подходившего к желтому штофу лакированной белой мебели и к желтым шелковым гардинам на окнах.

Большая ландшафтная была меблирована относительно скупо. Круглый стол на тонких и прямых ножках, с золотым орнаментом, стоял не перед софой, а у другой стены, напротив маленькой фисгармонии, на крышке которой лежал футляр с флейтой. Кроме кресел, чопорно расставленных вдоль стен, здесь еще был маленький рабочий столик возле окна, а около софы — хрупкий изящный секретер, уставленный безделушками.

Против окон, в полутьме, сквозь застекленную дверь виднелись колонны, ротонда; белая двустворчатая дверь по левую руку вела в большую столовую, а направо, в полукруглой нише, стояла печь; за ее искусно сработанной и до блеска начищенной кованой дверцей уютно потрескивали дрова.

В этом году рано наступили холода. За окнами, на другой стороне улицы, уже совсем пожелтела листва молодых лип, которыми был обсажен церковный двор; ветер завывал среди могучих стрельчатых башен и готических шпилей Мариенкирхе, моросил холодный дождь. По желанию мадам Будденброк-старшей в окна уже были вставлены вторые рамы.

Согласно заведенному порядку, Будденброки каждый второй четверг собирались вместе. Но сегодня, кроме всех членов семьи, проживавших в этом городе, приглашение запросто отобедать получили еще несколько друзей дома. Время близилось к четырем часам, Будденброки сидели в сгущающихся сумерках и ждали гостей.

Маленькая Антония все «неслась на салазках», не позволяя деду прервать себя, и только ее оттопыренная верхняя губка быстро-быстро выставлялась над нижней. Вот санки уже подлетели к подножию Иерусалимской горы, но, не в силах остановить их, она помчалась дальше...

— Аминь, — сказала она. — Я еще и другое знаю, дедушка.

— Tiens!* Она знает еще и другое! — воскликнул старик, делая вид, что его снедает любопытство. — Ты слышишь, мама? Она знает еще и другое! Ну кто мог бы сказать...

— Если теплый удар, — говорила Тони, кивая головкой при каждом слове, — так, значит, это молния; а если холодный удар, так, значит, — гром.

Тут она скрестила руки и окинула смеющиеся лица родных взглядом человека, уверенного в своем успехе. Но г-н Будденброк вдруг рассердился на ее премудрость и стал допытываться, кто набил голову ребенка таким вздором. А когда выяснилось, что это Ида Юнгман, недавно приставленная к детям мамзель из Мариенвердера, то консулу пришлось взять бедную Иду под свою защиту.

— Вы слишком строги, папа. Почему бы в ее возрасте и не иметь своих собственных, пусть фантастических, представлений обо всем этом?..

— Excusez, mon cher, mais c'est une folie!** Ты же знаешь, что я терпеть не могу, когда детям забивают мозги чепухой! Как? Гром? Да чтоб ее самое громом разразило! Оставьте меня в покое с вашей пруссачкой...

Старый Будденброк не выносил Иду Юнгман. Он не был ограниченным человеком и немало повидал на своем веку. Еще в 1813 году ему довелось (в карете, запряженной цугом) объездить Южную Германию, где он, будучи военным поставщиком, закупал хлеб для прусской армии, а позднее побывать в Париже и в Амстердаме. Почитая себя человеком просвещенным, он отнюдь не был склонен осуждать все, что находилось за воротами его родного готического городка. Но при всем том, если не говорить о его разнообразных торговых связях, был значительно строже в выборе знакомых, чем его сын, консул Будденброк, и куда менее охотно сближался с «чужестранцами». Посему, когда его дети, вернувшись из поездки в Западную Пруссию, привезли с собой упомянутую двадцатилетнюю девицу, сироту, дочь трактирщика из Мариенвердера, умершего за не-

* Каково! (*фр.*)

** Уж прости, дорогой, но это вздор! (*фр.*)

сколько дней до прибытия туда молодых Будденброков, консулу пришлось выдержать нешуточную сцену с отцом, во время которой старик говорил только по-французски и по-нижне-немецки... Вообще же Ида Юнгман, усердная экономка и отличная воспитательница, благодаря своему врожденному такту и прусскому чиновничеству как нельзя лучше пришлась ко двору в семействе Будденброков. Преисполненная самых аристократических воззрений, эта особа с неподражаемой тонкостью различала высший свет от просто света, среднее сословие — от пониже среднего, гордилась своей преданной службой людям столь высокопоставленным и бывала очень недовольна, если Тони заводила дружбу с какой-нибудь из своих одноклассниц, принадлежавшей, по мнению мамзель Юнгман, разве что к верхушке среднего сословия.

Легкая на помине, она в эту минуту как раз промелькнула за стеклянной дверью в ротонде и вошла в ландшафтную. Рослая, сухопарая, в черном платье, гладко причесанная и с добродетельным выражением лица, она вела за руку маленькую Клотильду — необыкновенно худенькую девочку в пестром ситцевом платьице, с тусклыми пепельными волосами и постным личиком старой девы. Клотильда — отпрыск боковой и совершенно неимушей линии, тихое, малозаметное существо, взятая в дом как сверстница Антонии, была дочерью племянника старого Будденброка, управляющего небольшим имением под Ростокком.

— Стол накрыт, — объявила мамзель Юнгман, при этом «р», которое она в детстве вовсе не умела произносить, как-то странно пророкотало в ее глотке. — Клотильда так усердно помогала на кухне, что Трине почти не осталось работы.

Господин Будденброк ухмыльнулся в свое жабо («иноземное» произношение Иды неизменно смешило его), консул же потрепал племянницу по щечке и одобрительно заметил:

— Молодец, Тильда! Недаром говорится: трудись и молись! Нашей Тони следовало бы брать с тебя пример, — ее частенько одолевают лень и гордыня...

Тони опустила головку и снизу вверх поглядела на деда, зная, что он непременно вступится за нее.

— Э, нет! Так не годится, — сказал старик. — Голову выше. Тони, courage!* Каждому свое. Заметь себе: одинаковых людей не бывает. Тильда — хорошая девочка, но и мы не плохи. J'ai raison**, Бетси?

Он обернулся к невестке, которая обычно соглашалась с его мнениями, тогда как мадам Антуанетта, скорее из благоразумия, чем по убеждению, всегда становилась на сторону консула. Так оба поколения, словно в *chassé croisé****, протягивали друг другу руки.

— Вы очень добры к ней, папа, — сказала консульша. — Ну, Тони постарается стать умной и трудолюбивой... Что, мальчишки еще не пришли из школы? — спросила она Иду.

Но в это время Тони, которая все еще сидела на коленях у деда и смотрела в «шпиона», воскликнула:

— Том и Христиан идут по Иоганнесштрассе... И господин Гофштеде... и дядя доктор тоже...

Тут колокола на Мариенкирхе заиграли хорал — динь! динь! дон! — не очень стройно, так что с трудом можно было разобрать, что, собственно, они вызванивают, но все же торжественно и гулко. А когда затем вступили маленький и большой колокола, радостно и величаво оповещая город, что вот уже четыре часа, — внизу, у обитой войлоком парадной двери, задребезжал колокольчик, и действительно вошли Том и Христиан вместе с первыми гостями: Жан-Жаком Гофштеде — поэтом и доктором Грабовым — домашним врачом.

Глава вторая

Господин Гофштеде, местный поэт, уж наверное, принесший с собой стишки по случаю сегодняшнего обеда, был всего на несколько лет моложе г-на Будденброка-старшего и носил костюм того же старинного покроя: зеленый сюртук, в который он сегодня облекся, только по цвету разнился от сюртука

* Смелее! (*фр.*)

** Не так ли (*фр.*).

*** Крест-накрест — па в кадрили (*фр.*).

его старшего друга. Более худой и подвижный, нежели Иоганн Будденброк, г-н Гофштеде обращал на себя внимание живостью маленьких зеленоватых глаз и на редкость острым длинным носом.

— Приношу сердечную благодарность, — сказал он, пожав руки мужчинам и шегольнув перед дамами (в особенности перед консульшей, которую он почитал превыше всех остальных) парочкой-другой изысканнейших комплиментов, какие уже не умело отпускать новейшее поколение, и к тому же сопровождаемых приятнейшей и приветливейшей улыбкой. — Приношу сердечную благодарность за любезное приглашение, друзья мои. Эти два молодых человека, — он указал на Тома и Христиана, стоявших подле него в синих курточках с кожаными поясами, — повстречались нам, мне и доктору, на Кенигштрассе, по которой они возвращались со своих учебных занятий. Отличные ребята, госпожа консульша! Томас — о, это серьезный, положительный ум! Не подлежит сомнению, что он станет негоциантом. Христиан же — тот, напротив, чуть-чуть шарлатан, а? Чуть-чуть *incroyable**. Но я не скрываю своего *engouement*** к нему. Он пойдет по ученой части: ум у мальчика острый, — великолепные задатки!..

Господин Будденброк запустил два пальца в свою золотую табакерку:

— Обезьяна он! Может, ему стать поэтом? А, Гофштеде?

Мамзель Юнгман плотно задвинула занавеси на окнах, и мгновение спустя комнату озарил слегка дрожащий, но покойный и отрадный для глаза свет от многочисленных свечей в хрустальной люстре и в канделябрах, стоявших на секретере.

— Ну, Христиан, — обратилась к сыну консульша; волосы ее блеснули золотом, — чем вы занимались сегодня после обеда?

Выяснилось, что последними уроками были чистописание, арифметика и пение.

Христиан, семилетний мальчуган, уже сейчас до смешного походил на отца. Те же небольшие, круглые, глубоко посажен-

* Оригинал (*фр.*).

** Пристрастия (*фр.*).

ные глаза, та же, теперь уже различимая, линия большого горбатого носа; что-то неуловимое в очертаниях скул свидетельствовало о том, что его лицо недолго будет хранить свою детскую округлость.

— Мы ужас как смеялись сегодня! — словоохотливо начал Христиан, и глаза его забегали. — Послушайте, что господин Штенгель сказал Зигмунду Кестерману! — Мальчик весь как-то сгорбился, тряхнул головой и, обратив свой взор в пространство, внушительно проговорил: — «Внешность, милое мое дитя, у тебя чинная и благопристойная, но душа, милое дитя, — душа у тебя черная...» — Последнее слово он произнес картаво, так что выходило «тшойная», и его лицо при этом со столь неподражаемым комизмом изобразило отвращение к «внешней» чинности и благопристойности, что все присутствующие разразились хохотом.

— Обезьяна он! — сдерживая смех, повторил старый Будденброк.

Господин Гофштеде был вне себя от восторга.

— Charmant!* — вскричал он. — Бесподбно! Надо знать Марцеллуса Штенгеля! Ну точь-в-точь! Нет, это прелестно!

Томас, начисто лишенный подражательного дара, стоял рядом с братом и, не испытывая к нему ни малейшей зависти, только от души смеялся. Зубы у него были не очень хороши — мелкие и желтоватые, но зато нос отличался на редкость благородной формой; глазами и овалом лица он сильно напоминал деда.

Гости и хозяйева сидели кто в креслах, кто на софе, болтая с детьми, обмениваясь впечатлениями о новом доме, о рано наступивших холодах. Г-н Гофштеде, стоя у секретера, любовался великолепной чернильницей севрского фарфора в виде мургугой охотничьей собаки. Доктор Грабов, ровесник консула, с благодушной улыбкой на длинном добром лице, выглядывавшем из поросли жидких бакенбардов, рассматривал пирожные, булочки с изюмом и всевозможные солонки, выставленные напоказ гостям. То была «хлеб-соль», которой друзья и родственники обильно одарили Будденброков по случаю новоселья. А дабы каждому было ясно, что дары исходят из богатых

* Очаровательно! (*фр.*)

домов, роль хлеба здесь выполняло сладкое, пряное и сдобное печенье, а соль была насыпана в массивные золотые солонки.

— Да, работы у меня будет немало, — сказал доктор, глядя на эти сласти, и погрозил детям пальцем. Затем, покачав головой, взвесил на руке тяжелый золотой судок для соли, перца и горчицы.

— От Лебрехта Крегера, — сказал г-н Будденброк с насмешливой улыбкой. — Он неизменно щедр, мой любезный сват! Я ему ничего подобного не даривал, когда он выстроил себе летний дом за Городскими воротами. Но... что поделаешь: благородные замашки! Широкая натура! Вот уж в полном смысле cavalier à la mode*.

Колокольчик у дверей прозвенел на весь дом. Явился пастор Вундерлих, приземистый пожилой господин в длиннополном черном сюртуке, белолицый, веселый, добродушный, с блестящими серыми глазами и со слегка припудренной шевелюрой. Он уже много лет вдовел и привык считать себя холостяком, таким же, как долговязый маклер Гретъенс, пришедший вместе с ним, который то и дело прикладывал к глазам сложенные трубою руки, точно рассматривал картину: он был общепризнанный ценитель искусства.

Вслед за ними прибыли сенатор доктор Лангхальс с женой, давние друзья дома, и виноторговец Кеппен, большеголовый, с красным лицом, торчавшим между высокими буфами рукавов, в сопровождении своей дебелой супруги.

Уже пробило половина пятого, когда наконец заявили Крегеры — старики и молодые: консул Крегер с женой и сыновьями, Якобом и Юргеном, одноплетками Тома и Христиана. Почти одновременно с ними вошли родители консульши Крегер — оптовый лесоторговец Эвердик с женой; нежные супруги, и сейчас еще при всех именовавшие друг друга альковными кличками.

— «Важные господа не спешат никогда», — произнес консул Будденброк и склонился к руке тещи.

— Но зато в полном сборе. — С этими словами Иоганн Будденброк широким жестом указал на многолюдную крегеровскую родню и пожал руку старику Крегеру.

* Светский лев (*фр.*).

Лебрехт Крегер, *cavalier à la mode*, высокий, изысканный господин, хотя и продолжал слегка припудривать волосы, но одет был по последней моде. На его бархатном жилете сверкали два ряда пуговиц из драгоценных камней. Юстус, его сын, носивший маленькие бакенбарды и высоко подкрученные усы, фигурой и манерами очень походил на отца; даже движения рук у него были такие же округлые и грациозные.

Никто не спешил садиться, все стояли в ожидании, лениво ведя предобеденный разговор. Но вот Иоганн Будденброк-старший предложил руку мадам Кеппен и громко провозгласил:

— Ну-с, надо думать, что у всех уже разыгрался аппетит, а посему, *mesdames et messieurs...**

Мамзель Юнгман и горничная распахнули белую дверь в большую столовую, и общество неторопливо направилось туда в приятной уверенности, что уж где-где, а у Будденброков гостей всегда ждет лакомый кусочек...

Глава третья

Когда все шествие двинулось в столовую, младший хозяин схватился за левый нагрудный карман своего сюртука, — там хрустнула какая-то бумага, — и любезная улыбка, внезапно сбежавшая с его лица, уступила место озабоченному, удрученному выражению; на висках у него напряглись и заиграли жилки, как у человека, крепко стиснувшего зубы. Для виду сделав несколько шагов по направлению к двери, он отступил в сторону и отыскал глазами мать, которая в паре с пастором Вундерлихом замыкала процессию и уже готовилась переступить порог столовой.

— *Pardon*, милый господин пастор... На два слова, мама.

Пастор благодушно кивнул, и консул Будденброк увлек старую даму обратно к окну ландшафтной.

— Я ненадолго задержу вас, мама, — торопливым шепотом произнес он, отвечая на вопросительный взгляд ее темных глаз. — Письмо от Готхольда. — Он извлек из кармана сложен-

* Милостивые государыни и государи... (*фр.*)